

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

выпуск
29 (92)

ИСТОРИЯ
И ФИЛОЛОГИЯ

Уважаемые читатели!
В связи с тем,
что „Палестинский сборник“,
вып. 29 был издан в 1984 г. в Горьком,
просим считать настоящий сборник
выпуском 29 (92) —
Редакционный совет РПО

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

ФИНИКИЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В ИСПАНИИ

Одной из важнейших проблем историографии древнего мира является проблема колонизации. В советской науке она решается главным образом на материале деятельности греков в Причерноморье. Однако полное исследование древней колонизации невозможно без учета колонизационной активности финикийцев, которая предшествовала и частично совпадала с эллинской экспансией. Финикийские мореходы исследовали значительную часть Средиземноморья, добравшись до самого его западного края и выйдя даже в океан. На крайнем западе Средиземноморского бассейна, в Испании и Северо-Западной Африке, появились финикийские колонии.

Первые контакты финикийцев с Испанией предшествуют появлению колоний в этой стране, об этом выразительно говорит Диодор (У, 35, 3-5): финикийцы в Испании обменивали на серебро небольшое количество восточных товаров, в том числе масло и различный морской товар, перевозили полученное в Грецию, Азию и другие страны, получая большой доход, а после этого выслали многочисленные колонии, в том числе и в Испанию. Эти сведения греческого историка подтверждаются археологическими находками, как сирийская цилиндрическая печать первой половины XI в. до н.э., обломки скорлупы страусовых яиц, идолы из костей гиппопотама, гребни из слоновой кости (их не надо путать со знаменитыми гребнями из Кармоны, относящимися к более позднему времени)¹. Исследования филологов и археологов доказывают существование финикийских связей с Эгеидой II тыс. до н.э.², что укрепляет наше доверие к сообщению Диодора.

В конце II тыс. до н.э. Восточное Средиземноморье испытало удары „народов моря“. Не избежала их нападений и Финикия. Так, филистимляне из Аскалона разрушили Сидон (Just. XVIII, 3, 5), позже, правда, восстановленный. Вторжения кочевников из пустынь и степей Передней Азии сократили финикийскую территорию. В этих условиях при сравнительно невысоком уровне производительных сил в финикийских городах создавалось демографическое напряжение, выходом из которого были вынужденная эмиграция и основание колоний в далеких странах³. С другой стороны, результатом деятельности „народов моря“ был разгром морского могущества микенских греков, что открывало финикийцам более спокойный и свободный путь на запад. Ликвидация Хеттской державы, ослабление Египта и Ассирии (к чему также приложили руку „народы моря“) вообще создали условия для временного расцвета мелких государств Ближнего Востока, в том числе финикийских городов⁴. Эти обстоятельства наряду с анализом античной традиции позволяют нам считать вполне достоверными (или во всяком случае очень близкими к истине) сообщения античных авторов об основании финикийцами Гадеса в Испании в конце XI в. до н.э. (Diod. V, 20, 1; Strabo, III, 2,14; Vel. Pat. 1,2,3; Mela. III, 46)⁵. А вслед за Гадесом (правда, источники умалчивают о времени) финикийцы создают на средиземноморском побережье Южной Испании и другие свои колонии⁶.

Метрополией испанских финикийцев был Тир. Этот древний город, основанный еще в III тыс. до н.э., был одним из крупнейших торговых (в значительной степени и ремесленных) центров Финикии и всего Ближнего Востока⁷. Сюда, по-видимому, устремились жители разрушенного Сидона, которых было столь много, что возникло предание об основании ими Тира (Iust. XVIII, 3, 5). Это переселение должно было, с одной стороны, усилить Тир, а с другой — создать там какое-то количество и „излишнего“ населения. Подобное „излишнее“ население могло возникнуть и в результате внутренней борьбы в городе. Наши источники рассказывают о событиях, относящихся, правда, к более позднему времени, об остроте этой борьбы, проявившейся как в соперничестве внутри правящей группировки (Ios. contra App. 1, 18), так, что еще интереснее, и в рабском восстании (Iust. XVIII, 3, 6-19).

Появление „излишнего“ населения создавало возможность и необходимость высылки его в колонии. Вследствии карфагеняне использовали колонизацию для смягчения возможных социальных конфликтов (Arist Pol. II, 8, 9). Не исключено, что такую же цель ставили и правители метрополии, т.е. того же Тира. И все же главной должна была быть другая цель: укрепление на торговых путях. Торговый характер деятельности финикийцев подчеркивают древние авторы. Достаточно вспомнить Гомера (Od. XV, 415-433) или Геродота (I, 1). Диодор (V, 20, 1; 35, 3) говорит, что финикийцы *πλέοντες κατ' ἐμπορίαν* и *ἐμπορίαῖς χρωμέυουσ*. Важно, что это сицилийский историк говорит именно в связи с финикийскими плаваниями на Запад, в том числе в Испанию. Описание Диодором и Псевдо-Аристотелем (de mir. ausc. 135) первых контактов финикийцев с испанцами свидетельствует об их торговом характере. Из этого мы должны сделать вывод, что финикийская колонизация носила с самого начала преимущественно торговый характер и что самой колонизации предшествовало установление доколониционных связей.

Диодор и Псевдо-Аристотель пишут, что финикийцы продавали испанцам масло, различные безделушки, украшения (*ἀθύρματα*), разный мелкий морской товар (*ναυτικὸν ῥῶπον*). Исследователи полагают, что речь идет о разукрашенных тканях, амулетах, драгоценностях и тому подобных вещах⁸. Получали же они взамен металлы. Именно металл был главной приманкой финикийцев. Этим металлом обычно считают олово или медь⁹. Однако в недавнее время были высказаны довольно обоснованные сомнения в разработке оловянных рудников Пиренейского полуострова в столь раннее время¹⁰. Раскопки горнорудных поселений и рудников долины Рио-тинто, которая и в римское время, и ныне славится своей медью, показали, что в доримскую эпоху здесь добывали в основном серебро и частично золото¹¹. Об этом же свидетельствует и нарративная традиция. И Диодор, и Псевдо-Аристотель упоминают только о серебре, получаемом финикийцами за свои товары. Если таршишский корабль, привозивший товары ко двору Соломона (I Reg. 1, 22), пришел именно из Таршиша¹² (что очень вероятно), то его груз свидетельствует о том, что продуктом Запада было опять же серебро, а также обезьяны, слоновая кость и диковинные птицы. Мы видим, таким образом, что из Испании (видимо, и Северо-Западной Африки) вывозились предметы роскоши и увеселения восточных царей и знати, а не продукты, необходимые для производства (не говоря, разумеется, о серебре).

Это обстоятельство надо связать с уровнем развития народов Южной Испании, с которыми имели дело финикийцы. Рассказ Диодора (V, 35, 3-36, 1) о первых финикийско-испанских контактах показывает, что испанские контрагенты находились еще на довольно примитивной ступени, причем автор распространяет такое состояние аборигенов еще на какое-то время после основания финикийских колоний. Археология показывает, что в середине и второй половине II тыс. до н.э. юго-запад Пиренейского полуострова играл роль сравнительно отсталой периферии эль-аргарской культуры, центр которой находился на юго-востоке¹³. На рубеже II-I тыс. до н.э. Юго-Западная Испания ничем не отличалась от остальных районов Пиренейского полуострова¹⁴ (в отличие от того, что будет в VIII-VI вв. до н.э.). Таким образом, различия в социально-экономическом и культурном уровнях финикийцев и местного населения юго-запада Испании, где финикийцы обосновались, были довольно велики. В этих условиях местное население не

могло, по-видимому, дать Востоку продукты, необходимые для его производительной экономики. Характерно, что археология не обнаруживает для этого времени никаких следов финикийского влияния на аборигенов. Испанцы, если говорить о внешних контактах, в этот период больше связаны с Северо-Западной Европой, чем с Востоком¹⁵.

Трудно сказать, как в таких условиях осуществлялся обмен финикийских товаров на испанское серебро. Скорее всего, это был „немой” обмен, подобный тому, какой веками спустя практиковали карфагеняне на западном берегу Африки для получения золота (Her. IV, 196). Естественно, что при этом никаких взаимовлияний быть не могло. Местное население выступало только как пассивный поставщик необходимых продуктов, прежде всего серебра. Конечно, некоторые финикийско-испанские контакты все же имели место, ибо обмен, даже „немой”, тоже является контактом. История с трехкратной попыткой основания Гадеса (Strabo, III, 5, 5) интерпретируется как отражение трудностей основания в связи с противодействием местного населения¹⁶. И все же контакты были очень ограничены, и местное население не оказывало влияния ни на ход колонизации, ни на жизнь и культуру колонистов. Не имело места и обратное воздействие. Сам факт наличия обмена еще не свидетельствует о таком уровне социально-экономического развития местного населения, когда оно могло бы выступить равноправным партнером колонистов в экономической и культурной жизни. Для сравнения укажем на уже упомянутый „немой” обмен, какой вели карфагеняне с западноафриканским населением, находившимся на весьма примитивной стадии развития¹⁷. Таким образом, у нас нет никаких оснований говорить о финикийской колонизации в Испании в конце II тыс. до н.э. как о двухстороннем процессе¹⁸, несмотря на торговый в целом характер самой колонизации.

Положение изменилось в VIII-VI вв. до н.э., когда в Южной Испании существовала Тартессийская держава, представлявшая собой уже государственное образование с развитой экономикой. Высокого уровня достигли горное дело¹⁹ и внешняя торговля (особенно в северном направлении), явившаяся для тартессиев средством доставать продукты, отсутствующие в самой Тартессиде, в том числе олово²⁰. Становление Тартессийской державы с ее далеко зашедшим социальным расщеплением, значительной экономической активностью не могло не повлиять на финикийско-испанские взаимоотношения. Возникновение этой державы обязано, разумеется, процессам, шедшим непосредственно внутри южноиспанского общества, но близость к финикийскому миру, его воздействие повлияли на ускорение внутреннего развития Южной Испании²¹. Финикийско-испанские контакты, сначала, как мы видели, чрезвычайно ограниченные, в дальнейшем становились более интенсивными, и свидетельство этому — появление уже в X-VIII вв. до н.э. лепной керамики с гладкими стенками и сетчатым узором с внутренней стороны сосудов, которая возникает, скорее всего, под восточным влиянием²². Появление тартессийской знати создало социального заказчика для финикийских ювелиров, резчиков, керамистов. И что особенно сейчас важно — изменились экономические взаимоотношения финикийских колонистов и местного населения. Развитие тартессийского горного дела и металлургии, возможность получать через тартессиев металлы Галлеции и Северо-Западной Европы привели к изменению структуры финикийского экспорта из Испании. На рубеже тысячелетий основным предметом вывоза из страны, как уже говорилось, было серебро. Оно по-прежнему вывозится отсюда на Восток, но слоновая кость и птицы уже не упоминаются. Зато Иезекиил (XXVI, 12), перечисляя таршшские товары, привозимые в Тир, теперь наряду с серебром называет железо, свинец и олово, т.е. металлы, необходимые непосредственно для производства.

Усиление финикийско-испанских контактов как в культурной, так и в экономической сферах вызвало необходимость появления новых пунктов связи между двумя мирами. Ко времени существования Тартессийской державы надо отнести вторую волну финикийской колонизации. Если в конце II тыс. до н.э. центр тяжести колонизации лежал на атлантическом побережье Южной Испании (там, уже за Столпами Мелькарта, был основан Гадес), то теперь финикийские поселения располагаются на средиземноморском берегу, хотя Гадес и остается основным их центром в Испании. К сожалению, датировать возникновение таких известных

городов, как Малака, Секси и Абдера, невозможно. Можно лишь отметить, что сехстанский некрополь на холме, именуемом ныне Серро де Сан Кристоаль, существовал уже в VIII в. до н.э.²³ Насколько раньше появился сам город, неизвестно. Более уверенно можно говорить о времени создания небольших финикийских поселений, древние названия которых мы не знаем и которые в научной литературе именуются по современным названиям этих мест. Раскопки поселений и некрополей показывают, что Тосканос возник, по-видимому, в середине VIII в. до н.э., Чоррерас – в конце этого столетия, а Морро де Мескитилья – примерно в середине VI в.²⁴

Связь всех этих поселений с окружающей местной средой представляется несомненной. Их основной целью было получение металлов от тартессиев. Об этом свидетельствует само географическое положение этих поселений. Если Гадес должен был быть непосредственно связан с Тартессом, то Малака и расположенные недалеко от нее поселения (прежде всего Тосканос) имели связь с горнорудной областью среднего и верхнего Бетиса²⁵. С дорогой, ведущей к серебряным рудникам Сьерры Морены, были связаны Секси и Абдера²⁶. В обмен на металлы финикийцы поставляли, как и раньше, масло, о чем свидетельствуют находки финикийских амфор. Особенно интересно, что теперь среди предметов торговли значительное место занимают изделия, изготовленные непосредственно в финикийских городах Южной Испании: так называемая красная керамика, а также продукты художественного ремесла. Известную роль в жизни испанских финикийцев играли земледелие и рыболовство²⁷. Появляются даже небольшие и довольно бедные поселки, которые вообще не имели торгового значения.²⁸ Это показывает, что исключительно торговой эту вторую волну финикийской колонизации считать нельзя. В экономике испано-финикийских поселений VIII–VI вв. до н.э. земледелие, ремесло и особенно рыболовство занимали значительное место.

После возникновения Тартессийской державы уровни социального и политического развития колонистов и местного населения значительно сблизились. Тесные контакты, засвидетельствованные для этого периода, привели к взаимным влияниям на различные стороны жизни обоих партнеров. Разумеется, более высокая финикийская культура оказывала большее воздействие на культуру тартессийскую, чем наоборот, что и привело к возникновению на юге Испании западнофиникийско-тартессийской культуры, в которой финикийский элемент играл преобладающую роль. Больше всего финикийское влияние чувствовалось в искусстве и художественном ремесле тартессиев, их письменности, несколько меньше – в технике горнорудного и гончарного ремесла, еще меньше – в строительстве, быту, религии. Но и тартессии оказывали влияние на финикийцев. Оно проявляется в появлении под местным влиянием некоторых особых черт испано-финикийского искусства и художественного ремесла, в использовании сырьевых кирпичей при строительстве, в распространении кремации при погребении колонистов²⁹. Таким образом, теперь при рассмотрении вопроса о финикийских колониях в Испании мы уже никак не можем отбросить местный компонент. Отныне финикийская колонизация приобретает в полном смысле слова двусторонний характер.

К сожалению, нам неизвестен механизм финикийско-тартессийских контактов. Надо подчеркнуть, что ни у тартессиев, ни у финикийцев в это время не было монеты: в испано-финикийских городах ее начали чеканить только в III в. до н.э.³⁰ а местное население Южной Испании – только с римским завоеванием³¹. Поэтому мы не можем сказать, была ли финикийско-тартессийская торговля по существу натуральным обменом или уже существовал какой-то всеобщий эквивалент в виде, скорее всего, серебра, как на Ближнем Востоке, в частности в Палестине³². Довольно высокий уровень тартессийской экономики, обилие серебра на юге Испании, упоминание вывоза из Испании „чеканного, расплющенного“ серебра (Jер. X, 9) позволяют предположить, что вторая возможность все же более вероятна. Как и где происходила финикийско-тартессийская торговля, сказать трудно. При раскопках финикийских поселений там находят наряду с финикийской керамикой, выполненной на гончарном круге, лепную местную керамику, хотя и в меньшем количестве, что можно связать с пребыванием в этих поселениях аборигенов³³. С другой стороны, Страбон (II, 2, 13)

говорит о жизни финикийцев в испанских городах, явно связывая начало их поселения в них с доримским временем. Можно предполагать (но, разумеется, никак не утверждать), что это происходило уже в период существования Тартессийской державы. Во всяком случае обилие финикийских изделий, не только предметов роскоши и украшений, но и обычной керамики, светильников и тому подобных простых вещей, найденных во всех известных к настоящему времени тартессийских поселениях и некрополях,³⁴ свидетельствует об активной и постоянной торговле.

Итак, рассматривая финикийскую колонизацию в Испании, мы видим, что надо различать два ее этапа. Первый относится к концу I-I тыс. до н.э., когда (по преданию, в конце XI в.) был основан Гадес. В науке была высказана мысль, что на этом этапе возникали не города, а только фактории без постоянного населения, якорные стоянки, места для обмена с аборигенами.³⁵ Однако такое предположение нам представляется неприемлемым. Выше уже отмечалось, что в это время для Тира было необходимо избавиться от „лишнего“ населения, а это было возможно только при условии вывода настоящих колоний с постоянным населением. История с трехкратной попыткой основания Гадеса, как отмечалось, свидетельствует о враждебности местного населения. В таких условиях лишь временами посещаемая фактория легко могла стать жертвой неприязненности местного населения и перестать существовать. Само название первого финикийского поселения – Гадир–Укрепление – также, скорее, говорит о твердом опорном пункте, чем о непостоянной якорной стоянке. По нашему мнению, финикийская колонизация уже на первом этапе была настоящей, с переселением за море какого-то постоянного населения. О занятиях этого первоначального населения мы ничего не знаем. Первые жители Гадеса занимались, разумеется, торговлей, точнее, обменом. Учитывая богатства окружающего моря, они могли обратиться и к рыболовству. Имелись ли уже у них какие-то земли на материке, на которых они могли заниматься земледелием либо животноводством, неизвестно. На этом этапе колонизация была торговой, но односторонней. Как нам кажется, пример этого первого этапа финикийской колонизации в Испании показывает, что нет обязательной жесткой связи между торговой сущностью и двусторонним характером колонизации.

Второй этап, или вторая волна, колонизации охватывает VIII–VI вв. до н.э. На этом этапе сохраняется в целом преимущество торгового аспекта колонизации. Однако появляется ряд новых черт, связанных в первую очередь с изменением туземного окружения, с появлением Тартессийской державы. Требования тартессийского рынка вызвали появление в колониях производства тех предметов, которые требовали испанские контрагенты. Испано-финикийские города становятся центрами ремесла и искусства. Можно говорить теперь не просто о торговой, но о торгово-ремесленной колонизации, в которой наличествуют также рыболовецкий и частично даже аграрный моменты. Другая новая черта – изменение характера связей с тартессиями. В новых условиях едва ли продолжает существовать старый „немой“ обмен, который не мог дать такого количества самых разных – как роскошных, так и самых простых – финикийских изделий, найденных во всех концах Тартессиды. Необходимо далее отметить, что это время наиболее интенсивных взаимных влияний. На этом этапе финикийская колонизация носит подлинно двусторонний характер, когда колонисты и аборигены выступают как два необходимых и дополняющих друг друга компонента колонизационного процесса. Роль испано-финикийской торговли и в экономике метрополии становится иной, более существенной, ибо предметами вывоза из Испании оказываются теперь не столько предметы роскоши и увеселения, сколько продукты, необходимые для производства.³⁶

Изучение финикийской колонизации в Испании показывает сложность колонизационного процесса, его внутреннюю неоднородность, изменения, которые он претерпевал в ходе своего развития.

¹Blázquez J.M. Tartessos y los orígenes de la colonización fenicia en Occidente. Salamanca, 1975, p. 22-24, 34; Montenegro Duque A. Historia de España. Madrid, 1972, t. 1, p. 308; Cintas P. Manuel d'archéologie punique. Paris, 1970, p. 271-274. На пути в Испанию у берегов Сицилии была найдена финикийская статуэтка XIV-XIII вв. до н.э.: Parrot A., Chéhab M., Moscati S. Les Phéniciens. Paris, 1975, p. 193.

²Шифман И.Ш. Возникновение Карфагенской державы. М.; Л., 1963, с. 13-14; Гринцер П.А. Две эпохи литературных связей. - Типология и взаимосвязь литератур древнего мира. М., 1971, с. 17-45; Albright W.F. The role of the canaanites in the history of civilisation. - In: The Bible and the Ancient Near East. London, 1961, p. 333-337; Sasson J.M. Canaanite Maritime Involvement. - JAOS, 1966, v. 86, p. 126-138; Karageorghis V. - Masson E. A propos de la découverte d'écailles d'armure en bronze à Gasteria-Alaas (Chypre). - AA, 1975, Bd 90, p. 210-221.

³Роль перенаселения как толчка к колонизации подчеркивает К. Маркс. См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. Т. 8, с. 568.

⁴Albright W.F. Syria, the Philistines and Palestina. Cambridge, 1966, p. 35.

⁵Подробнее см.: Циркин Ю.Б. Финикийская культура в Испании. М., 1976, с. 21-24.

⁶Шифман И.Ш. Возникновение ..., с. 25-26.

⁷Там же, с. 8-11.

⁸Blázquez J.M. Tartessos ..., p. 44-45; Parrot A., Chéhab M., Moscati S. Les Phéniciens, p. 147.

⁹Blázquez J.M. Tartessos ..., p. 49-52; L'Histoire et ses interprétations. Paris; Le Haye, 1961, p. 91.

¹⁰Muhly J.D. Copper and Tin. New Haven, 1973, S. 274; Maddin R., Wheeler I.S., Muhly J.D. Tin in ancient east. - Expedition, 1977, v. 19, N 7, p. 38.

¹¹Blanco A., Luzón J.M. y Ruiz D. Excavaciones arqueológicas en Cerro Salomon (Riotinto, Huelva). Sevilla, 1967.

¹²Проблему Таршиша мы рассматриваем в другом месте и присоединяемся к тем исследователям, которые располагают его на юге Испании и признают тождество Таршиш=Тартесс.

¹³Blance B. Die Anfänge der Metallurgie auf der Iberischen Halbinsel. Berlin, 1971, S. 141; Bosch Gimpera P. La edad del bronce de la Península Ibérica. - AEARq, 1964, t. XXVII, S.51; O. da Verga Ferreira e Fernando de Almeida D. A necrópole do bronze meridional português de Herdade do Peral (Evora). - MM, 1971, Bd 12, S. 117, 120.

¹⁴Savory H.N. Spain and Portugal. London, 1968, p. 216-217; Pellicer M. Las primitivas cerámicas a torno pintadas hispanas. - AEARq, 1968, v. 41, S. 66; J. de Mata Carriaso und Raddatz K. Ergebnisse einer ersten stratigraphischen Untersuchung in Carmona. - MM, 1961, Bd 2, S. 96-97.

¹⁵Blázquez J.M. Tartessos..., p. 253-254. Интересно отметить, что клад в Бодональ де ла Сьерра, датируемый ок. 1000 г. до н.э., содержит изделия, подобные британским (Almagro Gorbea M. The Bodonal

de la Sierra gold find. - Journal of the Royal Society of Antiquaries of Ireland, 1974, v. 104. p. 44-51), в то время как клад в Алиседе, недалеко от этого места, относящийся приблизительно к 600 г., почти целиком состоит из произведений испано-финикийского искусства (подробнее см.: Циркин Ю.Б. Финикийская культура ..., с. 107-111).

¹⁶ Шифман И.Ш. Возникновение ..., с. 24-25.

¹⁷ Там же, с. 93.

¹⁸ Сравнительно высокий уровень развития местного населения, взаимосвязь аборигенов и колонистов, их культурное взаимодействие и взаимовлияние рассматриваются как необходимые признаки „двусторонности“ колонизации (наряду с наличием доколониационного периода и возникновением колоний на древних торговых трассах): Колобова К.М. Из истории раннегреческого общества. Л., 1951, с. 153.

¹⁹ Blanco A., Luzón J.M. y Rúaiz D. Excavaciones ...; Blázquez J.M. Tartessos ..., p. 370, 399-411.

²⁰ Blázquez J.M. Tartessos..., p. 255-258.

²¹ Значение близости к центрам мирового исторического развития и контактов с ними для ускорения развития местного населения все более подчеркивается советскими учеными. Ср.: Куликов М.И. Всемирно-исторический процесс и характер современной эпохи. Новгород, 1971, с. 55; Шеглов А.Н. Система „полис-хора“ и контактные зоны в Причерноморье. - XIУ Международная конф. античников социалистических стран. Ереван, 1976, с. 524-525.

²² Savory H.N. Spain ..., p. 236; Blázquez J.M. Tartessos ..., p. 360-361; Schüle W. Die Meseta - Kulturen der Iberischen Halbinsel. Berlin, 1969, S. 30-31.

²³ Niemeyer H.G. Orient im Okzident. - MDOG, 1972, Bd 104, S. 12.

²⁴ Ibid., S. 26; Aubet M.E., Maass-Lindemann G., Schubart H. Chorreros. - MM, 1975, Bd 16, S. 156; Schubart H., Niemeyer H.G. Trayamar. Madrid, 1975, p. 239.

²⁵ Niemeyer H.G. Orient im Okzident, S. 35; Heurgon J. Rome et la Méditerranée Occidentale jusqu'aux guerres puniques. Paris, 1969, p. 139; Grant M. The ancient Mediterranean. New York, 1969, p. 128.

²⁶ Blázquez J.M. Tartessos ..., p. 231.

²⁷ Подробнее: Циркин Ю.Б. Финикийская культура ..., с. 47-53. Кроме гончарного дела, было развито также судостроение и обработка металла.

²⁸ Blázquez J.M. Tartessos ..., p. 334-336.

²⁹ Подробнее см.: Циркин Ю.Б. Финикийская культура ..., соответствующие главы.

³⁰ A. Vives y Escudero. La moneda hispánica. Madrid, 1924, t. 1, p. 51-54; Fernández Chicharro C. Noticiario arqueológico de Andalucía. - AEArq, 1955, t. XXVIII, p. 322.

³¹ Historia económica y social de España. Madrid, 1973, t. I, p. 233.

³² Ср.: Амусин И.Д. Денежно-весовая система в древней Палестине в первой половине I тысячелетия до н.э. М., 1970, с. 1-2.

³³ Niemeyer H.G. Orient im Okzident, S. 30. Однако в случае с Морро де Мескитилья раскопщики полагают, что речь идет о местном населении, которое предшествовало финикийскому (или, может быть, некоторое

время сосуществовало с ним): Schubart H., Niemeyer H.G. *Trayamar*, p. 102-103.

⁸⁴Blázquez J.M. *Tartessos ...*, p. 355-415.

⁸⁵Montenegro Duque A. *Historia de España*, p. 307-309.

⁸⁶Разумеется, нельзя утверждать полную бесполезность для восточной экономики финикийско-испанской торговли на ее первом этапе. Приток испанского серебра не мог не способствовать экономическому развитию финикийских городов, в первую очередь Тира, а также их соседей. (О роли серебра, в том числе таршишского, в экономике Палестины см.: Амусин И.Д. *Денежно-весовая система ...*, с. 2). Речь идет о том, что на первом этапе на Восток наряду с серебром приходили предметы роскоши и увеселения, а на втором - наряду опять же с серебром - металлы, непосредственно используемые восточными ремесленниками.

J.B. Tsyarkin

THE PHOENICIAN COLONIZATION IN SPAIN

On the level of nowadays science it may be regarded that the Phoenician colonization in Spain had been preceded by an establishment of precolonizational interconnections in the second half of the 2-th mil. B.C. The colonization itself consisted of two stages: the first - in the late 12-th cent. B.C. when Gades was founded it was mercantile and unilateral; the second - in the VIII-VI cent. B.C. when not only trade, but also handicraft, fishery and agriculture (to a lesser extend) started playing an important part. The colonization then acquired a commercial and industrial character. It depended on the formation of the Tartessian power. The role of the native element was so significant that it is now possible to speak of a bilateral character of the Phoenician colonization in Spain.
